

Слёзы Турана -15: Разбитый кувшин собирают сидя...

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -15: Разбитый кувшин собирают сидя... РАЗБИТЫЙ КУВШИН СОБИРАЮТ СИДЯ...

Разгоряченные боем джигиты – Ягмур, Чепни и Джавалдур яростно врубались в ряды защитников Самарканда.

– Не спеши, хов! – кричал Джавалдур Ягмуру, который, отражая удары трех мечей, отрывался от друзей. Но окровавленный меч юноши нельзя было удержать.

– Прикрой голову шлемом! – предупредил Чепни, видя, как на соседней башне городской стены готовятся бросать камни.

Но юноша в барсовой шкуре ничего не слышал. Одно влекло его вперед: Аджап. Ослепленный злостью, джигит рубил и колол с отчаянной силой. И если бы не Чепки и Джавалдур, успевавшие отражать удары со стороны спины запальчивого джигита, лежать бы Ягмуру в крепостном рве. Но трое, встав спиной к спине, были непобедимы. Их острые и тяжелые мечи пробивали латы и кольчуги противника. Помня совет Айвара об отравленных стрелах, Джавалдур приказал оруженосцам внимательно следить за лучниками Санджара. Все они наблюдали, не покажется ли где женщина в доспехах воина.

Выискивая место, где можно быстрее прорваться в город, Джавалдур с верблюда увидел на крепостной стене женщину в доспехах. Но пока он поджидал Чепни и Ягмура, женщина вышла из боевых рядов самаркандцев. Когда джигиты собрались вместе, то сразу же решительно бросились штурмовать стену со стороны солнца...

Ягмур не мог объяснить, почему, но он сердцем чувствовал, что Аджап где-то рядом. Джавалдур подтвердил, что юноша не ошибся. Шаг за шагом Ягмур пробивался к лестнице, ведущей со стены на городскую площадь.

– Ах-ха! – кричал он в пылу боя.

– Ах-ха! – отвечал Чепни, поворачивая рукоятку меча, вогнанного в грудь противника.

– Ах-ха! – добавлял Джавалдур, сбивая с лошади усача с пикой.

Оруженосцы пускали стрелы в тех, кого не доставали мечи.

Бой разгорался. С трудом пробивались джигиты вперед. Но вот и лестница Ягмур добежал до площадки и спрыгнул на плоскую крышу первого дома.

На городских стенах Самарканда еще полыхала битва, а воины войска сельджукидов уже бежали к центру города по крышам домов, тесно пристроенных друг к другу. Ягмур остановился, вытер с лица пот и осмотрелся. То тут, то там вспыхивали клинки, слышались стоны раненых и ржание коней.

Рядом с Ягмуром все время находились Чепни и Джавалдур. Каждый хотел двигаться как можно быстрее, и особенно рвался напролом Ягмур. Он искал в каждом воине Аджап.

– Я верю, что Аджап захотелось расплатиться за оскорбления султана, – твердил Ягмур.

– Но вряд ли хромой разрешит ей это, – отвечал Чепни.

– Будь осторожен, Ягмур, и помни об отравленных стрелах, – предупреждал Джавалдур.

– Клинки остыли, джигиты, а кровь – кипит. Вперед! – нетерпеливо кричал Чепни.

– Не могла же она бесследно скрыться? Я хочу видеть эту женщину в доспехах, храбрый Джавалдур!

– Э-э-эй! – крикнул тогда Джавалдур оруженосцам. – Все на стену!

И снова три тяжелых меча принялись за кровавую работу.

– Э-э-эй, джигиты! – неожиданно послышался дружеский голос с башни, возвышавшейся над головами трех огузов. – Ягмур! Если ты ищешь, что потерял, то пробивайся своим мечом в сторону мечети, где главные ворота города. Смелая Аджап, как настоящий воин, сражается там с охраной султана. Торопись, бек-джигит!

Главные ворота города были рядом. И три меча устремились туда, прорубая себе дорогу... Вот и мечеть. У ворот красивого дома джигиты, подняв бревно, тараном старались разбить запоры.

– Аджап! – кричал Ягмур. – Аджап, отзовись! Потрясающий удар в ворота заглушил девичий голос.

– Позор вам, слуги черного ангела смерти, разорившего народ! Скоро пробьет ваш час! – послышалось после того, как ворота рухнули.

Ягмур узнал знакомый голос.

– Смотрите, горбун! – крикнул Чепни, указывая в сторону навеса, куда старец тащил за собой девушку, пытаюсь укрыться за тяжелой дверью.

Широкими прыжками Ягмур пересек плоскую, глиняную крышу дома и спрыгнул на высокий глинобитный ду-вал. В тот же миг на весь двор раздался тревожный голос Джавалдура:

– Ягмур, отравленные стрелы!..

Юноша оглянулся. С минарета целился из лука слуга хозяина караван-сарая, чье копье однажды у ворот Мерва пролетело над головой Ягмура.

– Закройся! – кричал Чепни, отражая стрелы щитом.

Защищаясь, Ягмур повернулся к стрелку боком, прикрывая сердце рукой со стальным надлокотником. Хитрость не помогла – стрела впилась в шею... Ягмур покачнулся и рухнул со стены на кирпичи.

– Ягмур! – взревел Чепни, бросаясь с оруженосцами к минарету.

Наемных убийц, изрубленных на куски, сбросили с площадки минарета. С высоты башни было видно, как войско Санджара наступало и с севера и с юга... Ворота крепости были взломаны, и конные отряды хлынули в них, все больше и больше заполняя город.

Было видно, как Джавалдур пытался взломать дверь, за которой скрылись горбун и девушка, но дерево было настолько выдержано, что боевой топор степного рыцаря отскакивал от плах карагача.

Прошло немного времени, как после ранения Ягмур очнулся. Чувствуя, как чьи-то ласковые руки ощупывают его грудь, плечи и разбитую ногу, он застонал.

– Слава Аллаху, – услышал Ягмур над собой. – Теперь яд не отравит сердце молодого льва...

Ягмур открыл глаза и увидел сгорбившегося над ним лекаря. Рядом стояли Чепни и Джавалдур.

– Вы вовремя разыскали меня. Яд в теле джигита обезврежен, – сказал старик, – теперь, да благословит аллах, разрежьте одежду...

Боевые друзья Ягмура поспешно выполнили просьбу лекаря.

– Выпей, – предложил старик, склоняясь к Ягмуру и пригибая кувшин с красным вином. – Кровь земли подкрепит огнем твою кровь.

Ягмур освежился тремя глотками виноградного вина и через некоторое время, открыв глаза, попытался говорить. Лежал он во дворе мечети, с минарета которой в него стреляли из лука. Светило солнце. На крышах и крепостной стене маячили воины Санджара, воздавая хвалу аллаху за победу над Самаркандом.

– Давно ли я лежу? – спросил еле слышно Ягмур.

– Третий день мы боремся за твою жизнь, – ответил Джавалдур. – Но смерть еще не прогнали далеко...

– Где Аджап?

– Наши кони спотыкаются на ровном месте. Напрасно мы ищем прекрасную Аджап и в городе, и за земляным валом. Никто не вывел нас на тропу встречи. Звездочет, которого мы нашли вместо Аджап, говорит, что твоя судьба будет светлой.

Ягмур жалостливо улыбнулся и заскрежетал зубами.

– Терпи, джигит! Смотри, лицо лекаря светится добротой, а глаза излучают спокойствие и уверенность. Скоро мы снова втроем сядем на коней и обнажим мечи.

А рядом лекарь шептал Чепни:

– Кость ноги раздроблена о кирпичи, и сколько бы я ни читал заклинающих молитв, страшный огонь уже охватил конечности и может охватить все тело... И медицина здесь бессильна. Огонь яда угас, но если огонь нервов будет гореть, то утром ногу отделим от туловища!..

– Пусть никогда не сбудется ваше предсказание! – взмолился Чепни. – Воин без ноги?! Такого еще не бывало.

– Великий Авиценна учил, – спокойно продолжал Абу-Муслим, – пульс бывает десяти родов, каждый из которых делится на три вида. И никто без помощи аллаха не может определить их, не соединив понятия свои с цветом мочи больного... Это открытие может придти лишь утром, так мне подсказывают знания. У нас есть еще время. И если джигиты разрешат, я приведу одного самаркандца, знающего свое дело.

– Почтеннейший, но не повредит ли он нашему другу?

– Нет, сын мой! Этот самаркандец хорошо знает, что каждый огуз, это лишь конь, который обязан подчиняться воле султана.

– О, вы что-то путаете! – ответил Джавалдур. – Огузы братья по крови султану. И они готовы, как и этот джигит, – он указал на Ягмура. – отдать свои жизни за него!..

Лекарь поднялся с колен, молча направляясь к воротам мечети.

– Горе огузов морем разлилось, – вздохнул Джавалдур.

– Мы должны выполнить свою клятву, – добавил Чепни. – Любой ценой выполнить, не жалея жизни!

– Сейчас важнее всего – спасти жизнь Ягмуру, – отозвался Джавалдур. – Ждите меня здесь... Привезу знающего лекаря, – добавил он и скрылся за воротами.

Тень минарета косо легла на глинобитный дувал, когда Джавалдур вернулся из поездки. К раненому подошли двое. Рядом с Джавалдуром стоял лодочник, которого Ягмур видел однажды в камышах у Аму-Дарьи. Старик долго молился перед тем, как подойти к Ягмуру, омывая руками лицо, на котором краснел шрам от плети сотника войска султана Санджара. Потоптавшись, лекарь размотал шелковую повязку, скрывавшую сломанную ногу Ягмура. От прикосновения юноша глухо застонал. Старик приказал дать больному вина. И когда Ягмур, хлебнув горячительного, задышал ровнее, пришелец осторожно тронул пальцами распухшее колено. От боли на лице Ягмура выступил пот.

Видя страдания друга, Чепни отошел к коновязи, без причины накричав на оруженосцев. А Джавалдур опустил кувшин с вином, чтобы никто не заметил, как дрожат у него руки.

Старик все тверже и чаще оглаживал ногу, разгоняя застоявшуюся кровь. А когда разогретые мышцы стали податливее, лекарь начал осторожно выравнивать поврежденные кости.

От боли Ягмур царапал ногтями землю, скрипел зубами и рычал волком, а старик не отпускал изуродованную ногу, подставляя Джавалдуру потное лицо, которое тот вытирал платком.

Окончив операцию, старик попросил уложить раненого на кожу верблюда и перенести в тень под деревья, к водоему.

Джавалдур и Чепни в точности выполнили требование лекаря, и с обнаженными мечами неотступно дежурили у водоема, помня о тревожных предупреждениях Анвара.

К вечеру тело Ягмура стало горячим, как раскаленный мангал. Оно дрожало, густо покрываясь багровыми пятнами. В полночь Ягмуру снова выдали несколько глотков крепленого каким-то зельем старого вина, и он, разметав руки, крепко заснул.

– Слава аллаху! – облегченно вздохнул лодочник, поглаживая сосуд с огненным напитком. – Наступает заход болезни...

Побыв еще возле Ягмура, он направился в город разыскивать тех, чьи раны нуждались в помощи лекаря.

Утром пришел врач. Узнав, что юноша все еще жив, он стал ругать лодочника.

– Только тот может считаться врачом, кто изучил логику и все тридцать книг великого ал-Хусейна ибн Абдел-лах ибн Сины!.. Тот, кто поддержан помощью аллаха и высшей принципиальностью... А то, что произошло здесь, есть дело шайтана. Разве не видят правоверные, что тут не обошлось без нечистой силы. О, Аллах! – взмолился хвастливый лекарь. – Господин мой и руководитель мой! Не ты ли сказал в «Твердом слове» неоспоримой книги: «...мы низводим из Корана то, что бывает исцелением и милостью для верующих», – и врач зло повернулся к подошедшему лодочнику. – Кто позволил тебе прикасаться руками к телу больного? Кто разрешил тебе тревожить то, что я, личный врач эмира Кумача, атабека султана султанов уже назвал мертвым?

– Врач врачей! – с важностью отозвался старина. – Ты прав. Я не постиг «Канона» и «Исправления всякого рода ошибок во врачебном распорядке» и других книг, достойных только самых светлых умов. Но я столько испытал горечи, когда мой сын умирал дома от ран, полученных в походе султана Санджара, что дал клятву аллаху везде и всюду оказывать людям помощь. А умению и знанию разных приемов меня учил абу-Муслим.

– О, будь проклято имя этого бродяги!

– Нет, сто раз – нет! Будь прославлено на века имя мудрого ученого, – прошептал старик.

Врач не осмелился возражать, видя, что рука Чепни потянулась к плетке. Прошамкав злыми, тонкими губами, придворный лекарь снова заговорил:

– Но как ты можешь доказать, что в твоих действиях не

участвовала воля шайтана и что тебе помогли лишь знания, переданные абу-Муслимом? Стоит мне только сказать, что шайтан помогает тебе в лекарском деле, и палач укоротит твое тело ровно на голову.

– Пугать его не надо. Оправданием ему могут служить вот эти рубцы от тяжелых ран, – сказал поднимаясь Джа-валдур. – Лекарства, сделанные руками лодочника, много раз возвращали мне жизнь и давали силы. В начале битвы я увидел этого чудесного старика в лагере султана. Знания и опыт лекаря спасли храброго джигита. И кто не доверяет ему, будет иметь дело со мной. Поединок рассудит наш спор! Я готов сразиться с любым палачом и доказать искренность человека, которого многие воины султана Санджара ждут, как спасителя.

– Не надо лишней крови, славный Джавалдур. Знания, которыми звездочет, медик, ученый и астролог абу-Муслим вооружил меня, могут сделать то же самое без пролития крови. Пусть же всегда светится имя абу-Муслима среди народа! – сказав это, лодочник осторожно перелил вино из кувшина в бурдюк и подошел к врачу эмира Кумача.

– Не себе ищу оправдания. На берегу Аму-Дарьи мне было уже доказано сотником эмира Кумача, что я ничтожество. Взгляните на этот шрам. Своими делами хочу оградить от поношений и лжи имя абу-Муслима, великого вра-ча, ученого и славного человека.

– Если бы твои руки были искусны так же, как язык, на твоём лице не было бы позорного шрама от плети.

Лодочник смолчал. Взяв у оруженосцев полосатый мешок, опустил в него кувшин. Нахмурившись, он размахнулся и вдруг ударил посудиной о придорожный камень. Все ахнули, а старик глубоко вздохнул. Засучив рукава, уселся на корточки и, не развязывая мешка, наощупь стал собирать по кусочкам кувшин. Мелкие осколки выскользывали из рук, мешались между собой, но старик-лодочник упорно и ловко укладывал их на свое место. По кусочку он составлял, восстанавливал разбитый вдребезги глиняный сосуд.

Где-то сотники и десятники созывали воинов, предупреждая, что день милости султана окончен и всякий, кто теперь будет

обогащаться за счет жителей Самарканда, получит должное от стражи. На перекрестках улиц уже запылали костры ночной охраны, когда лодочник протянул врачу эмира Кумача мешок с кувшином... целеньким, невредимым.

– Долго ковырялся. Руки утратили прежнюю ловкость, – извинился старик.

Оруженосцы, окружив старика, обрадованно зацокали языками, довольные победой такого же простого человека, как и сами.

– Якши!.. Taryhu proza